

«Мой милый хороший, мой милый пригожий...»

© Ю. А. КОЖАЕВА

Объектом нашего исследования являются русские народные лирические песни. Делаются попытки проанализировать и определить, что для русского народа в древности являлось красивым. Статья иллюстрируется многочисленными примерами из текстов лирических песен. Контекст обращает наше внимание на гендерный аспект исследуемой проблемы.

Ключевые слова: любовная лирика, русский фольклор, эстетическая оценка.

The object of our exploration are Russian folk lyrical songs. Attempts are made to analyze and determine that the Russian people in ancient times were considered beautiful. The article is illustrated by numerous examples from the texts of lyrical songs. The context draws our attention to the gender aspect of the research problem.

Key words: love lyrics, Russian folklore, aesthetic evaluation.

В русских народных лирических песнях достаточно полно отражены представления народа о красоте, в том числе и мужской:

Все на милого гляжу, наглядеться не могу [1. № 4];
Мой миленок – хорошенек, душа-радость – пригоженек [75];
Ах, всем ты мне, мой милый друг, по мысли,
По моему девичьему по обычю,
И ростом, друг, дородством и пригожеством [100];
Хорош-пригож сердечный друг уродился! [20];
Мой милый друг и хорош, и пригож [31];
Мой милый хороший, мой милый пригожий,
Белый, кудреватый, холост, не женатый [57];
Мой-эт миленький баско ходил [80];
Хорош милой уродился [81].

Что для наших предков являлось красивым? По каким критериям оценивали красоту? Неслучайно исследователи в своих работах замечают, что *хорошо* уже в древнерусских текстах значит красиво: хорошо все то, что красиво, выразительно, в глаза бросается, горит-светится». [2].

Из всех из молодцов мой милый – хороший:
он повыше плечом, порумянее лицом;
что походочка у него – у сердечка моего,
поговорочка – у ретивенького;
милый мой, милый мой – что за душечка такой!
Щечки розаном покрыты, губки аленькия;
еще брови да глаза – это просто чудеса! [51].

Хороший – согласно словарю В. И. Даля – *красивый, пригожий, статный, нравный на вид, по наружности* [3]. Значение слова *пригожий* приводится в словаре С. И. Ожегова как *красивый, милостивый*, а также вообще *хороший*: «Мой милый друг и хорош, и пригож. / Душа моя чернобров, черноглаз» [31].

Мой милый – хороший, белый, кудреватый, холост, не женатый;
на коня садился, под им конь бодрился [54];
Моему-то любезному сулять сукна на капоть,
гронетуровый кушакъ, на резвья ножки – съ калошами сапожки,
на белья рученьки – перчаточки шелковы [48].

Общие определения пригожести молодца в тексте лирической песни дополняет описание деталей его внешней привлекательности. Это и статная фигура молодца, и его походка, речь, а также белизна и румяность лица, черные брови и русые кудри: «Нарядный» мужской вербальный портрет дополняют описание одежды, аксессуаров, наличие вороного коня – всего того, что связано с украшательством образа милого друга. Статный, белый, кудреватый, чернобровый, черноглазый и непременно одетый по моде юноша занимает все думушки юной девушки, а именно от ее лица в основном и ведется повествование лирических любовных песен в сборнике А. И. Соболевского: «Золот перстень – на руке, на руке, / мой милый друг – на уме, на уме» [31]; «Есть на миленьком маленькая приметочка – палева жилеточка. / Сертук нанковский, воротник-от бархатный, / Панталоны синия, подтяжечки модныя» [85].

Однако не только внешняя красота является мерилем эстетической оценки. Спектр тем, затрагиваемых в лирических песнях, включает в себя отношения между девицей и молодым, точнее, отношения девицы к молодцу. *Добрый молодец, милый мой, мой милый друг, миленок, молодец холостой, холостой мальчик, холостой парень, холостые парни* представляют потенциального родственника – жениха и будущего мужа. *Батюшка родной, женатый бравый, женатый муж, молодец женатый, муж, сроднички*, – лексемы, входящие в лексико-семантическое поле *степень родства, семейный статус*, лейтмотивом проходят через всю повествовательную ткань народной лирики и занимают особое положение в тексте любовной песни:

Не велел мне батюшка с женатым стояти, с ним речь говорити.
 Как женатый – проклятый (<...>
 он домой приедет, все жене расскажет,
 а жена его ... всему миру объявляла,
 всему миру и народу – девичьему хороводу... [15].

Общение с женатым мужчиной для девушки имеет негативный характер и порицается этическими нормами. Разговоры с холостым, неженатым молодым человеком дозволяются, но не демонстрируются открыто:

Как подъехал молодец, как подъехал холостой...
 Как велел мне батюшка с холостым стояти,
 Тайную речь говорити [16].

Женатый муж и *холостой парень* выражают оценку, которая соответствует ценностной ориентации данного социума – *девичьему хороводу (всему миру казала, всему миру-народу – девичьему карагоду)*. Это социум со своей градацией оценок хорошо / плохо. Неразглашение, соблюдение тайны, с позиции «девичьего карагода», очень важно (*не женатый-то – любчик да он беленький голубчик... никому он не скажет*); тогда как общение с женатым мужчиной чревато обнаружением и посрамлением: «женатый-то придет, на кроватьку ляжет, жене шельме расскажет... а жена ж его – дура, она дура, дуровища, суровая рубашница, не подшитый хвостище, накрывалка, отымалка... всему миру казала, всему миру-народу – девичьему карагоду!» [19]. Женатый молодец ненадежен, он не умеет хранить тайну: «Не дай, Боже, с женатым водиться: / женатый – проклятый, вор-насмешник, / пришедши к молодой жене, все расскажет» [18].

Традиционно закрепленные формулы *молодец женатый* и *молодец холостой* дают оценку с точки зрения соответствия или несоответствия этическому идеалу поведения: «Нет на свете того хуже, что женатого любить!!.. / Нет на свете того лучше – с холостым любовь водить...» [16].

Отношения с неженатым *холостым парнем*, *холостым мальчиком*, *холостым молодцем* расцениваются как проявление добродетели и социально одобряемой нормы отношений. При помощи символических обозначений подчеркиваются достоинства неженатого *голубчика*:

Холостой мальчик гуляет – как сокол в поле летает...
 Нет заботы никакой. Только есть одна забота –
 размолодушка душа, уродилась хороша!;
 не женатый-то – любчик да он беленький голубчик...
 никому он не скажет [17; 18].

Птицы символизируют высшую степень свободы (*как сокол в поле летает*) и добродетельной кротости (*любчик да он беленький голубчик... никому он не скажет*):

Еще лучше, того краше холостого-то любить.
Холостой парень гуляет – как сокол в поле летает.
Прилетает он домой, – спать ложится на покой:
нет заботы никакой.
Только есть одна забота – красна девушка душа;
лучше нет на свете, краше холостого полюбить.

В народном мировосприятии не встречается противоположностей эстетического и этического. Нельзя было сказать “красивый, но плохой”, эстетическое подчинено этическому. На это и указывают постоянные эпитеты, такие как *добрый молодец* и *красна девица*, которые выделяли типичный в глазах славянина признак: «нерасчлененная идея красоты, доброты, молодости и плодородной силы» [2]. Эта идея и составляет ценностную основу красоты как эстетической категории.

Литература

1. *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. В 7 т. СПб., 1895–1902. Т. IV. Далее указ. только номер песни.
2. *Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 2. Добро и зло. Кн. 3. Бытие и быт. СПб., 2001–2004.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. IV.

*Санкт-Петербургский
государственный университет*